

**Читайте другие романы
Рейчел Липпикотт, Микки Дотри
и Тобиаса Иакониса:**

«В метре друг от друга»

ВСЁ
ЭТО
ВРЕМЯ

Микки Дотри
Рейчел Липпикотт

Freedom
Москва
2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д70

Mikki Daughtry, Rachael Lippincott

ALL THIS TIME

Text copyright © 2020 by Mikki Daughtry

Jacket illustration copyright © 2020 by Lisa Perrin

Published by arrangement with Simon & Schuster Books For Young Readers,
An imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division.

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Дотри, Микки.

Д70 Всё это время / Микки Дотри, Рейчел Липпинкотт ; [перевод с английского Е. Ефимовой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 384 с. — (Young Adult. Бестселлеры).

ISBN 978-5-04-115745-6

Кайл и Кимберли всегда были идеальной парой. Но в ночь выпускного девушка призналась, что решила порвать с ним. Мир Кайла рухнул в одночасье. Сначала он лишился возлюбленной, а затем попал в страшную автокатастрофу, не справившись с управлением на залитом дождем шоссе. У Кайла тяжелые травмы, Кимберли погибла. И никто не способен понять, через что ему пришлось пройти. Никто, кроме Марли.

Марли тоже потеряла близкого человека. Более того, девушка во всем винит себя. После их встречи Кайл начинает верить, что возникшие чувства смогут подарить ему надежду на новое счастье. Вот только реально ли оно, если жизнь Кайла раскололась на до и после?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Ефимова Е., перевод
на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-115745-6

*Посвящается всем,
у кого когда-либо была своя Марли.
Никогда не отпускайте ее.*

— М. Д.

Посвящается Микки.

— Р. Л.

ГЛАВА 1

Браслет с подвесками приятно оттягивает ладонь. Я уже смотрел на него миллион раз и вот снова достал и придирчиво оглядываю со всех сторон, потому что знаю: всё должно быть идеально, дабы исправить то, что нуждается в исправлении. В начале я присматривался к более изящным, тонким браслетам, вроде тех, что обычно носит Кимберли, но эта вещица затронула какие-то потаенные струны моей души; солидные, прочные серебряные звенья украшения напоминают мне наши с Ким отношения, такие же крепкие... по большей части.

Несколько месяцев назад, когда я заказал браслет, предполагалось, что это будет подарок, приуроченный к нашему выпускному, а вовсе не подношение в духе «прости, давай помиримся», но Кимберли в последнее время почти со мной не разговаривает. Отдалилась от меня. Она всегда так делает после ссоры.

Впрочем, я толком не понимаю, поругались мы или нет, так что не уверен, за что должен просить прощения.

Тяжко вздыхаю, несколько раз проверяю, нет ли кого в туалетных кабинках отеля, потом смотрю на свое отражение в зеркале.

Озабоченно хмурясь, провожу пятерней по своим непокорным каштановым волосам, чтобы они лежали аккуратно, как любит Кимберли. После нескольких неудачных попыток мы с волосами сдаемся, и мое внимание вновь возвращается к браслету.

Поблескивающие серебряные подвески позвякивают друг о друга. Я рассматриваю украшение, и этот звук смешивается с приглушенным шумом за дверью: вчерашние старшеклассники отмечают окончание школы. Возможно, когда Кимберли увидит эту вещицу, она, наконец, объяснит, что между нами не так.

Хотя кто знает. Может, она просто поцелует меня, скажет, что любит, и дело вовсе не во мне.

Наклоняюсь, пристально разглядываю шесть крошечных подвесок — по одной на каждый год, что мы с Ким провели вместе. Мне очень повезло найти на «Этси» мастера, который согласился разработать дизайн этого браслета, ведь у меня напрочь отсутствует художественный вкус. Теперь это не просто браслет, это символ наших жизней, слившихся в одну.

Большим пальцем я нежно поглаживаю детали нашей истории, несколько подвесок подмигивают мне, когда на них падает свет.

Пара помпончиков для чирлидинга, декорированные белой и бирюзовой эмалью — точно такие помпоны держала в руках Кимберли, капитан чирлидеров, в тот вечер, когда я официально предложил ей стать моей девушкой.

Маленький золотой стакан для шампанского, вдоль его края сверкают малюсенькие пузырь-

ки-бриллианты — напоминание о моем тщательно продуманном предложении, сделанном несколько месяцев назад. В тот день я утащил из бара своей мамы бутылку шампанского, чтобы удивить Кимберли. В наказание мама посадила меня под домашний арест на целую вечность, но это стоило того, чтобы увидеть веселый блеск в глазах Кимберли, когда я с громким хлопком вытащил пробку.

Перекаत्याваю в пальцах самую важную подвеску, размещенную в центре браслета: серебряный дневник, снабженный настоящим замочком.

Как-то раз — это было еще в средней школе — мы с Кимберли занимались у нее дома, и в какой-то момент она поднялась наверх и закрылась в ванной. Я вытащил из ее рюкзака розовый дневник и написал на трех первых чистых страницах: «Я ♥ тебя».

Обнаружив это, Кимберли ударилась в слезы, быстро сменившиеся потоком обвинений.

— Ты прочитал все мои секреты?! — кричала она, указывая на меня пальцем, а другой рукой крепко прижимала дневник к груди.

— Нет, — заверил я ее и придвинулся вместе с табуреткой ближе к Кимберли. — Просто я подумал, что это будет... Не знаю. Романтично.

И тогда она набросилась на меня. Я не сопротивлялся, позволил ей повалить себя на пол, потому что пришел в восторг оттого, что ее красивое лицо так близко от моего, и в конце концов наши взгляды встретились, и недовольство исчезло из ее глаз.

— Это очень романтично, — сказала она, а потом ее губы неуверенно коснулись моих.

Наш первый поцелуй. Мой первый поцелуй.

Осторожно, чтобы не сломать, я открываю малюсенькую подвеску-дневник и переворачиваю тонкие страницы — их всего три, и на каждой красуется надпись: «Я ♥ тебя».

Улыбаюсь: пустые звенья браслета ждут, что их тоже заполнят воспоминаниями, которые мы создадим вместе. По одному на каждый год, что мы проведем в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Потом я подарю Ким новый браслет, и мы начнем заполнять и его.

Дверь туалета распахивается и гулко ударяется о закрепленный на стене стопор. Я поспешно засовываю браслет в обтянутую бархатом коробочку, и подвески позвякивают, а в туалет вваливаются ребята из баскетбольной команды. Они наперебой вопят: «Кайл, что за дела, приятель?» и «Класс 2020, малыш!» Я широко улыбаюсь им всем и убираю коробочку обратно, в карман пиджака. При этом мои пальцы задевают заткнутую за пояс фляжку с «Джеком Дэниелсом», пункт первый моего плана, согласно которому мне предстоит убедить двух своих лучших друзей улизнуть с этой организованной школой вечеринки на наше место у пруда и отпраздновать по-настоящему.

Но сначала... нужно подарить Кимберли этот браслет. Выхожу из туалета, и короткий коридор выводит меня в битком набитый бальный зал супердорогущего отеля.

Я вливаюсь в людское море, прохожу под воздушными шарами белого цвета и цвета морской волны; некоторые шары уже оторвались от общей массы и теперь медленно перекатываются под сводчатым потолком. В центре зала натянут огромный баннер, надпись на нем гласит: «ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЫПУСКНИКОВ!», с длинного полотнища свисают сотни разноцветных лент.

Шум накатывает на меня волнами, из каждого угла так и бьет взбудораженная энергия: «МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО!» Наконец-то. Отучившись последний год, я более чем готов свалить отсюда.

Прокладываю себе путь в гомонящей толпе. Стоило лишь раз пройти по сцене во время церемонии вручения дипломов, и вся ерунда, еще утром казавшаяся такой важной, в один миг перестала иметь значение. Каким спортом ты занимался. Какие оценки получал. Кто из девушек просил тебя быть ее парой на выпускном балу, а кто не просил. Почему мистер Луис доставал тебя весь семестр.

Вдруг оказывается, что Люси Уильямс, президент класса, всю флиртует с Майком Диллоном, двоечником, отучившимся в десятом классе дважды, а очкарики из математического клуба мирно сидят за барной стойкой вместе с парой моих приятелей-футболистов, играющих на линии нападения, и соревнуются, кто ловчее метнет по столешнице кружку с пивом, так чтобы не пролить ни капли.

Сегодня вечером мы все одинаковые.

— Привет, Кайл.

Меня хлопают по больному плечу, чересчур сильно.

Стараясь не морщиться, поворачиваюсь и вижу Мэтта Паулсона, самого милого парня на планете, так что меня сразу охватывает чувство вины за то, что секунду назад я его ненавидел.

— Ой, извини, — говорит он, заметив, какого плеча касается его рука, и тут же ее отдергивает. — Ты слышал, осенью я еду в Бостонский колледж, буду играть в американский футбол.

— Ах да, — отвечаю я, отчаянно стараясь подавить привычную волну зависти, вскипающей в душе. Это не вина Мэтта, напоминаю я себе. — Поздравляю, старик.

— Слушай, если бы ты не руководил командой так, как руководил с самого начала сезона, меня бы даже не заметили. Ты был просто чумовым квотербеком. Если бы ты не научил меня всему, что знаешь, я бы не получил стипендию, — продолжает он и тем самым обильно, хоть и невольно, посыпает солью мою еще не зажившую рану. — Мне жаль, что так вышло...

— Всё нормально, — перебиваю я его и протягиваю ему руку, чтобы не выглядеть засранцем. — Удачи тебе в следующем году.

Выпустив ладонь Мэтта, я поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и продолжаю поиски, ноги несут меня подальше от Мэтта. Сейчас есть лишь один человек, которого мне хочется видеть.

Возле бара я останавливаюсь и верчу головой, высматривая Ким, окидываю взглядом толпу, но безуспешно.

— *Hors-d'oeuvre?*¹ — Раздается голос рядом со мной.

Оборачиваюсь и вижу официанта, протягивающего мне поднос с закусками — на кипенно-белой тарелке разложены какие-то комковатые бугорки. Человек озаряет меня дежурной улыбкой, которая буквально кричит: «Когда же, наконец, пройдет два часа, и я смогу уйти отсюда?!»

На его рубашке я замечаю логотип «Совиной бухты», единственного ресторана, расположенного относительно недалеко отсюда и знаменитого своей «классной современной кухней».

По всей видимости, даже Гордон Рамзи там обедал и не нашел ничего, к чему можно придраться.

— Почему бы и нет, — отвечаю я, одаряя официанта широкой улыбкой. Беру одну комковатую штуковину и забрасываю в рот, а официант уже идет дальше, дабы предлагать закуски другим гостям.

Мгновенное разочарование.

Это креветка? Или резина? Почему, черт возьми, оно такое нежующееся, и почему на вкус похоже на старую ветчину?

Очевидно, Гордон не распробовал это комковатое мясо, чем бы оно ни было.

Быстро поглядев по сторонам, я выплевываю отвратительное нечто в черную салфетку, которой снабдил меня официант, как вдруг меня ослепляет какая-то вспышка, и от неожиданности я подскакиваю на месте.

¹ Закуска (*фр.*)

Автоматически заслоняю глаза рукой, в которой сжимаю фальшивую креветку, и постепенно черные точки, пляшущие у меня перед глазами, рассеиваются, вместо них появляются добрые карие глаза и высокие скулы, такие же, как у меня. Мама одета в свое любимое белое платье в цветочек, ее широкая улыбка видна даже из-за мобильного телефона.

— Мама, не надо... — начинаю было я, но она уже жмет на кнопку, и меня вновь ослепляет вспышка.

— Знаешь, если уж ты собралась делать фотки, за которые мне потом будет стыдно, то хотя бы выключи вспышку. Необязательно меня ослеплять.

— О, девочки в «Инстаграме» придут в восторг от этого снимка. — Мама зловеще хихикает и, кроважно щурясь, тычет пальцем в экран.

— Мама. Не смей это постить, — предупреждаю я, быстро протягивая руку к ее телефону.

Одной рукой обнимаю маму за плечи, а другой пытаюсь отнять у нее телефон. Тут мой взгляд падает на экран, и я вижу сделанный мамой снимок: моя физиономия перекошена от ужаса, глаза полуприкрыты, резиновая креветка цепляется за мой язык, отправляясь в черную салфетку.

Черта с два я позволю «девочкам в «Инстаграме» это увидеть — или кому бы то ни было еще, если уж на то пошло.

Ким ни за что не забудет мне такого позора.

Мама выпускает телефон, обнимает меня, я завладеваю мобильным и поскорее удаляю изображение.

— Забудьте об этом, леди.

— Ладно. — Мама корчит обиженную рожицу, уголки ее накрашенных розовой помадой губ опускаются. — Давай, разбивай сердце своей старой матери. Оказывается, мне уже вообще ничего нельзя.

Я смеюсь, целую ее в щеку и на этот раз обнимаю по-настоящему, осторожно выгибаясь, чтобы мама не почувствовала фляжку, спрятанную у меня за поясом.

— Зато у тебя есть я, верно?

Мама картинно вздыхает.

— Полагаю. — Ее щека прижимается к моему пиджаку, и голос звучит приглушенно. — Так, — говорит она, отстраняясь, и улыбается от уха до уха. — А почему ты один? Ты еще не подарил Ким браслет?

Мое сердце учащенно колотится, как после футбольного матча.

— Жду подходящего момента, — отвечаю я и быстро оглядываю зал. — Ты ее не видела?

— Несколько минут назад они с Сэмом стояли возле террасы. — Мама кивает в сторону огромных, от пола до потолка окон, за которыми раскинулась гигантская каменная терраса, выходящая на внутренний двор гостиницы.

Мама протягивает руки и осторожно поправляет узел моего галстука, ее губы трогает легкая улыбка. Это виндзорский узел, в конце концов, я не такой щеголь, чтобы знать еще какие-то способы завязывать галстук, кроме классического. Когда я закончил седьмой класс, мама потратила всё утро